

*Посвящается Лиз Дерозье,
которую я нашла в моем саду и которая теперь
живет в моем сердце*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Назовите, пожалуйста, ваше имя.

— Арман Гамаш.

— И вы — глава Квебекской полиции?

— Oui, я старший суперинтендант.

Гамаш сидел выпрямившись на деревянном сиденье. В это июльское утро стояла невыносимая жара. На верхней губе у него выступил пот, а часы показывали всего десять. День только начинался.

Свидетельское кресло не относилось к числу его любимых мест в мире. И уж совершенно точно он не любил свидетельствовать против другого человеческого существа. Всего несколько раз за свою карьеру он получил удовлетворение, даже удовольствие от дачи показаний, но сейчас был не тот случай.

Сидя на неудобном жестком сиденье, под присягой, Арман Гамаш признался себе, что хотя он верит в закон и всю жизнь служил закону, но на самом деле должен отвечать только перед своей совестью.

А она зарекомендовала себя весьма суровым судьей.

— Насколько я понимаю, вы лично арестовали обвиняемое лицо.

— Да.

— Это ведь необычно для старшего суперинтенданта — производить арест?

— Как вам известно, я лишь недавно вступил в должность. Для меня все необычно. Однако в данном конкретном случае я не мог не участвовать.

Главный прокурор улыбнулся. Он стоял спиной к залу и скамье присяжных, так что никто не видел его улыбку. Кроме судьи, которая почти ничего не упускала.

И то, что она увидела, отнюдь не было приятной улыбкой. Скорее ухмылкой. Это удивило судью Корриво, ведь главный прокурор и старший суперинтендант определенно выступали на одной стороне.

Впрочем, это вовсе не означало, что они должны уважать или любить друг друга. Судья Корриво и сама не уважала некоторых своих коллег, хотя вряд ли когда-нибудь смотрела на них с таким вот выражением.

Пока она оценивала свидетеля и прокурора, Гамаш оценивал ее. Пытался понять, о чем она думает.

От того, кому из судей достанется то или иное дело, зависит его исход. А исход дела, которое вела судья Корриво, имел критическое значение. Речь шла не просто о толковании закона, а об атмосфере в зале заседания суда. Насколько строгой она будет? Какое пространство для маневра будет позволено?

Внимательна ли судья? Не устала ли? Не отбывает ли время до звонка? А иногда не столько отбывает, сколько убивает.

Но не судья Корриво.

Морин Корриво стала судьей недавно. Гамаш знал, что это ее первое дело об убийстве. Он ей сочувствовал. Она даже не подозревала, что вытянула несчастливый билет. Что еще немного — и на нее обрушится целая гора неприятностей.

Женщина средних лет, она не скрывала седину в волосах. Возможно, воспринимала это как знак компетентности и зрелости. А может, ей больше не требовалось производить впечатление. Она была опытным юристом, одним из партнеров монреальской адвокатской фирмы. Когда-то

она была блондинкой. До того, как поднялась по карьерной лестнице. Надела шелк, как говорят в Британии¹.

Забавно, но это немного напоминало рассказы парашютистов о прыжках с самолета.

Судья Корриво снова посмотрела на Гамаша. Проницательный взгляд. Умный. Однако Гамаш хотел бы понять, что она видит на самом деле. И что упускает.

Судья Корриво казалась непринужденной. Но это ничего не значило. Возможно, посмотрев сейчас на Гамаша, многие тоже сказали бы, что он чувствует себя раскованно.

Он оглядел переполненный зал судебных заседаний во Дворце правосудия в Старом Монреале. Большинство из тех, кто мог бы присутствовать здесь, предпочли остаться дома. Некоторые, вроде Мирны, Клары и Рейн-Мари, подлежали вызову в качестве свидетелей и не хотели придти до того дня, когда им придется это сделать. Другие жители деревни — Оливье, Габри, Рут — просто не хотели покидать Три Сосны и тащиться в душный город, чтобы воскрешать трагедию.

Однако Жан Ги Бовуар, заместитель Гамаша, присутствовал на слушаниях, так же как и старший инспектор Изабель Лакост, глава отдела по расследованию убийств.

Вскоре наступит их очередь давать свидетельские показания. А может быть, подумал Гамаш, до этого и не дойдет.

Он снова посмотрел на главного прокурора Барри Залмановица. Но по пути его взгляд скользнул по судье Корриво. К его огорчению, она наклонила голову, чуть-чуть наклонила. И прищурилась, тоже чуть-чуть.

Что она заметила в его глазах? Неужели начинающая судья увидела то, что он пытается скрыть? Отчаянно пытается?

¹ Выражение «надеть шелк» (take silk) означает «стать королевским адвокатом» (королевские адвокаты носят шелковую мантию). Для того чтобы получить этот статус, необходимо проработать адвокатом не менее пятнадцати лет.

Впрочем, если она и увидела что-то, то наверняка истолкует это неправильно. Подумает, что он не уверен в вине подсудимого.

Но у Армана Гамаша на сей счет сомнений не было. Он точно знал, кто убийца. Он просто опасался, что случится какая-нибудь неожиданность. И необыкновенно хитроумный преступник выйдет на свободу.

Главный прокурор неторопливо направился к своему столу, надел очки и внимательно — кто-то даже сказал бы «театрально» — прочитал какую-то бумажку.

Может, на ней ничего и не написано, подумал Гамаш. Или это список покупок. Почти наверняка бутафория. Облачко дыма. Осколок зеркала.

Суд, как и месса, имел сходство с театральным представлением. Гамаш почти ощущал запах ладана и слышал маленький дребезжащий колокол.

Присяжные, еще не разомлевшие от жары, следили за каждым шагом опытного прокурора. Что от них и требовалось. Но не он задавал тон разыгрывавшейся драме. Эта роль была отдана кому-то находящемуся за сценой, кому-то, кто почти наверняка не произнесет ни слова.

Прокурор снял очки, и Гамаш услышал тихое шуршание шелковой мантии — так судья Корриво выражала свое почти нескрываемое нетерпение. Присяжные вполне могли повестись на уловки прокурора, но судья — нет. Да и присяжные вскоре сообразят, что к чему. Они слишком умны для этого.

— Насколько я понимаю, обвиняемое лицо призналось в совершении преступления, верно? — спросил прокурор, глядя поверх очков в профессорской манере, совершенно не действующей на главу Квебекской полиции.

— Да, признание есть.

— Полученное на допросе, старший суперинтендант?

Гамаш обратил внимание, что обвинитель настойчиво повторяет его звание, словно подчеркивая, что человек

столь высокого положения просто не может совершить ошибку.

— Нет. Обвиняемое лицо пришло ко мне домой и призналось. Добровольно.

— Возражаю. — Адвокат вскочил на ноги, но с некоторым опозданием, как заметил Гамаш. — Это не соответствует действительности. Признания в убийстве не было.

— Верно. То признание, о котором говорю я, не было признанием в убийстве, — сказал прокурор. — Но оно напрямую привело к предъявлению обвинения, не так ли, старший суперинтендант?

Гамаш посмотрел на судью Корриво, ожидая, что она ответит возражение.

Она помедлила и наконец произнесла:

— Возражение отклоняется. Можете отвечать.

— Обвиняемое лицо пришло добровольно, — сказал Гамаш. — И вы правы: то признание послужило основой для предъявления нынешних обвинений.

— Вас удивило, что обвиняемое лицо явилось к вам домой?

— Возражаю, ваша честь, — снова вскочил защитник. — Субъективно и несущественно. Какое может иметь значение, удивился месяц Гамаш или нет?

— Поддерживаю. — Судья посмотрела на Гамаша. — Не отвечайте на этот вопрос.

Гамаш и не собирался отвечать на вопрос прокурора. Судья была права, поддержав защитника. Вопрос был субъективный. Однако Гамаш не стал бы называть его несущественным.

Удивился ли он?

Разумеется, он удивился, когда увидел, кто стоит на крыльце его дома в квебекской деревушке. Трудно было сразу понять, кто этот человек в теплой куртке, с капюшоном на голове. Мужчина или женщина? Молодой или старый? Гамаш до сих пор слышал, как ледяные дробин-

ки стучали по стенам его дома, когда холодный ноябрьский дождь перешел в снежную крупу.

И, вспоминая об этом сейчас, жарким июльским утром, он почувствовал холодок.

Да. Он удивился. Он не ждал такого визита.

А к тому, что случилось потом, слово «удивление» и близко не подходит.

— Я не хочу, чтобы мое первое дело об убийстве было оспорено в апелляционном суде, — тихо, так, чтобы слышал только Гамаш, произнесла судья Корриво.

— Думаю, теперь уже поздновато, ваша честь. Дело началось в более высоком суде, там оно и закончится.

Судья Корриво пошевелилась в кресле, пытаясь обрести прежнее равновесие. Но что-то изменилось. За время этого короткого и приватного обмена репликами.

К словам, загадочным или нет, она привыкла. Выражение глаз Гамаша — вот что не давало ей покоя. И она спросила себя: знает ли он, что глаза его выдают?

Хотя судья Корриво не могла точно сказать, что она видит, она была уверена: старший суперинтендант Квебекской полиции не должен так выглядеть. В свидетельском кресле. Во время слушания дела об убийстве.

Морин Корриво едва знала Армана Гамаша. Только по отзывам. За прошедшие годы Корриво и Гамаш много раз проходили мимо друг друга в коридорах Дворца правосудия.

Она была готова к тому, что он не вызовет у нее симпатии. Охотник на других людей. Человек, который зарабатывал на жизнь смертью. Нет, сам он никого не убивал, но получал от чужой смерти выгоду.

Нет убийств — нет и Гамаша.

Она помнила одну случайную встречу, когда Гамаш еще был главой отдела по расследованию убийств, а она — адвокатом защиты. Они пересеклись в коридоре, и Морин опять поймала его взгляд. Проницательный, внимательный, задумчивый. И опять увидела в его глазах что-то еще.

Он прошел мимо, чуть наклонив голову, чтобы слышать, о чем говорит его спутник. Более молодой мужчина, его заместитель, насколько ей было известно. Человек, который тоже сегодня присутствовал в суде.

А в коридоре тогда остался легкий аромат сандалового дерева и розовой воды. Еле ощутимый.

Морин Корриво вернулась домой и рассказала об этом своей партнерше:

— Я пошла следом за ним и несколько минут провела в зале суда, слушая его свидетельские показания.

— Зачем?

— Мне было любопытно. Я никогда не выступала против него в суде и подумала, что если мне это предстоит, то нужно хорошо подготовиться. К тому же у меня было немного свободного времени.

— Ну и?.. Что он собой представляет? Постой, попробую догадаться. — Джоан взялась за кончик носа, покрутила его и прогундосила: — Значитца, так: панк замочил того парня. Чего мы тут тратим время на дурацкий процесс, вы, желторотые блохастые грусы? Вздернуть его!

— Поразительно! — воскликнула Морин. — Ты там была, что ли? Да, он превратился в Эдварда Робинсона.

Джоан рассмеялась:

— Как ни крути, Джимми Стюарт и Грегори Пек никогда не смогли бы возглавить отдел по расследованию убийств.

— Это точно. На самом деле он вторил сестре Прежан¹.

Джоан отложила книгу:

— На процессе?

— В своих показаниях.

Гамаш сидел в свидетельском кресле, спокойный, непринужденный, но не расслабленный. Он выглядел представительно, хотя по первому впечатлению красавцем не

¹ *Хелен Прежан* (р. 1939) — католическая монахиня, общественный деятель; активно выступает за отмену смертной казни.

был. Крупный мужчина в хорошо сшитом костюме. Он сидел прямо и слушал внимательно. Уважительно.

Его волосы, в основном уже поседевшие, были аккуратно подстрижены, лицо чисто выбрито. Даже с галереи Морин Корриво видела глубокий шрам у его виска.

А потом он произнес эти слова: «Ни один человек не может быть так же плох, как самые худшие его деяния».

— С какой стати он вдруг стал цитировать монахиню, выступающую против смертной казни? — спросила Джоан. — Причем именно те самые слова?

— Я думаю, это была тихая мольба о снисходительности.

— Угу, — сказала Джоан и задумалась на секунду. — Конечно, верно и противоположное. Ни один человек не может быть так же хорош, как самые лучшие его деяния.

И вот теперь судья Корриво сидела в своей шелковой мантии в судейском кресле. И пыталась понять, какие мысли бродят в голове старшего суперинтенданта Гамаша.

Прежде она никогда не находилась так близко к нему, да еще и на протяжении столь долгого времени. Глубокая отметина на его виске оставалась на том же месте и, конечно, всегда будет там оставаться. Словно клеймо, поставленное на Гамаше его работой. Вблизи судья Корриво видела морщины в уголках рта. И возле глаз. Линии жизни. Линии смеха. У нее они тоже были.

Мужчина на вершине карьеры. Раскованный. В мире со всем, что он делал прежде и должен сделать теперь.

Но что в этих глазах?

Тот взгляд, который она поймала когда-то давно в коридоре Дворца правосудия, оказался настолько неожиданным, что Морин Корриво последовала за Гамашем и выслушала его свидетельские показания.

В том взгляде была доброта.

Однако сегодня она видела в его глазах что-то другое. Тревогу. Не сомнение, подумала она. Но он явно был встревожен.

А теперь и судья Корриво начала тревожиться, хотя и не могла сказать почему.

Она отвернулась от него, и они оба сосредоточили внимание на прокуроре. Он играл авторучкой, а когда попытался прислониться задницей к своему столу, судья Корриво гневно посмотрела на него, и он тут же выпрямился. И положил ручку.

— Позвольте, я задам вопрос иначе, — сказал он. — Когда у вас впервые появились подозрения?

— Как и большинство убийств, это убийство началось задолго до фактического действия, — ответил Гамаш.

— То есть вы знали, что убийство произойдет, еще до того, как оно случилось?

— Non. Нет, конечно.

«Нет?» — спросил себя Гамаш. Как спрашивал себя каждый день после обнаружения тела. Но на самом деле он спрашивал себя, как он мог не знать.

— И теперь следующий вопрос, старший суперинтендант: когда вы узнали? — В голосе Залмановица прорезались нетерпеливые нотки.

— Я понял, что что-то не так, когда увидел на деревенском лугу фигуру в черном одеянии.

Слова Гамаша вызвали шумок в зале суда. Репортеры, собравшиеся у одной стены, склонились над ноутбуками. Со своего места Гамаш слышал стук клавиш на другом конце зала. Современный код Морзе, сообщающий о срочном послании.

— Под «деревней» вы подразумеваете Три Сосны, — сказал Залмановиц, глядя на журналистов, словно то, что прокурор знает название деревни, где жил Гамаш и где погибла жертва, заслуживало особого внимания. — К югу от Монреаля, у границы с Вермонтом, я верно говорю?

— Oui.

— Маленькая деревенька, насколько я понимаю.

— Oui.

— Милая деревенька? И спокойная?

Залмановицу удалось произнести слово «милая» так, что оно прозвучало как «унылая», а «спокойная» — как «скучная».

Гамаш кивнул:

— Да. Очень милая.

— И отдаленная.

В устах прокурора «отдаленная» прозвучало как «отсталая», словно чем дальше от крупного города, тем менее цивилизованной становится жизнь. И возможно, это так и есть, подумал Гамаш. Но он видел результаты так называемой цивилизации и знал, что в городах обитает не меньше зверей, чем в диких лесах.

— Не столько отдаленная, сколько в стороне от дорог, — пояснил Гамаш. — Если кто и попадает в Три Сосны, то главным образом потому, что заблудился. Это не такое место, которое вы проезжаете по пути куда-то.

— То есть оно на дороге в никуда?

Гамаш почти улыбнулся. Наверное, эта фраза должна была прозвучать как оскорбление, но она оказалась удивительно меткой.

Они с Рейн-Мари переехали в Три Сосны, привлеченные в первую очередь красотой деревни и ее расположением в стороне от оживленных дорог. Она была гаванью, убежищем, чтобы скрыться от забот и жестокости мира, с которыми Гамаш сталкивался каждый день. Мира за лесом.

Они обрели здесь дом. Сделали деревню своим домом. Среди сосен и многолетних растений, деревенских лавочек и жителей деревни, которые стали их друзьями, а потом семьей.

Так что, когда на прелестном, спокойном деревенском лугу появилась темная фигура, пугавшая играющих детей, это показалось не просто странным. Не просто явлением незваного гостя. Это было надругательством.

На самом деле ощущение беспокойства возникло у Гамаша накануне вечером. Когда облаченное в черную ман-

тию существо впервые появилось на ежегодном праздновании Хеллоуина в бистро.

Но настоящая тревога овладела Гамашем, когда на следующее утро он выглянул в окно спальни и увидел, что существо все еще здесь. Оно стояло на деревенском лугу. Смотрело на бистро.

Смотрело, и больше ничего.

Сегодня, много месяцев спустя, Арман Гамаш взглянул на прокурора в его черном одеянии. Потом на скамью защиты. На адвокатов в черных мантиях. И на судью в черной мантии, сидевшую сбоку от него и чуть выше.

И все они смотрели. На Гамаша.

Никуда было не деться от черных мантий.

— Вообще-то, это началось накануне вечером, — уточнил он свои показания. — На вечеринке по случаю Хеллоуина.

— Все надели маскарадные костюмы?

— Не все. Это было необязательно.

— А вы? — спросил прокурор.

Гамаш сверкнул на него глазами. Вопрос был неуместный. Но цель его состояла в том, чтобы слегка унизить старшего суперинтенданта.

— Мы решили прийти на праздник, переодевшись другими жителями.

— Вы и ваша жена? Вы оделись женщиной, а она мужчиной?

— Не совсем так. Мы тащили бумажки с именами из шляпы. Я вытащил Габри Дюбо, который вместе со своим партнером Оливье владеет местной гостиницей.

Арман с помощью Оливье позаимствовал у Габри его фирменные ярко-розовые мягкие тапочки и кимоно. Костюм был прост и чрезвычайно удобен.

Рейн-Мари оделась под их соседку Клару Морроу. Клара была весьма успешной художницей-портретисткой, хотя казалось, что пишет она главным образом себя.

Рейн-Мари начесала волосы, так что они встали дыбом, и затолкала туда печенье и сэндвич с ореховым маслом. В довершение всего она вся измазалась красками.

Клара же вырядилась своей подружкой Мирной Ландерс. Все были немного озабочены, не намажет ли она себе лицо черной краской, хотя Мирна сказала, что она ничуть не обидится, даже если Клара намажется вся.

Клара на сей раз не стала мазать себя краской. Вместо этого она надела кафтан из пыльных суперобложек старых книг.

В прошлом Мирна была психотерапевтом в Монреале, а теперь владела книжным магазином рядом с бистро — «Книги Мирны, новые и старые». У Клары была теория, что жители деревни специально придумывают себе проблемы, только чтобы прийти и посидеть с Мирной.

— Придумывают? — переспросила старая поэтесса Рут, сердито глядя на Клару. — Да у тебя целый склад проблем. Ты монополист на этом рынке.

— А вот и нет, — возразила Клара.

— Неужели? У тебя в скором времени персональная выставка, а ты, кроме говна, ничего к ней не подготовила. Если это не проблема, то я уж и не знаю тогда, какие бывают проблемы.

— Это не говно.

Впрочем, никто из друзей Клары не поддерживал ее в этом вопросе.

Габри пришел на Хеллоуин в образе Рут. Он нацепил седой парик и наложил на лицо столько косметики, что стал похож на персонажа из фильма ужасов. В дополнение он надел свалывшийся, траченный молью свитер и прихватил с собой набитую опилками игрушечную утку.

Весь вечер напролет он прихлебывал виски и бормотал стихи:

Вот дом пустой стоит на холме,
Ни ночь он не ждет, ни зарю,
А из дверей ни бе и ни ме,
Ни даже простого хрю-хрю.

— Это не мои, ты, мешок с дерьмом, — обиделась Рут.
Она надела свалевшийся, траченный молью свитер и прихватила с собой настоящую утку.

— «Травинке тонкой пою я оду, — продолжил Габри. — Она машет знаменем за свободу».

— Прекрати, — велела Рут. — Ты убиваешь мою музу.

— «Будут ли во времена грядущие, — не унимался Габри, — у меня такие же большие уши?»

Последнее слово он произнес как «ущие».

Даже Рут не смогла сдержать смех, а утка Роза у нее на руках пробормотала: «Фак-фак-фак».

— Я работал над этим весь день, — сказал Габри. — Сочинять стихи совсем нетрудно.

— Значит, это было тридцать первого октября прошлого года? — спросил прокурор.

— Ноп. Это было первого ноября. Вечером на Хеллоуин мы оставались дома, раздавали сладости детишкам¹. А вечеринка всегда на следующий день.

— Первого ноября. Кто еще присутствовал, кроме деревенских?

— Матео Биссонетт и его жена Леа Ру.

— Мадам Ру, политик, — уточнил прокурор. — Восходящая звезда в своей партии.

У себя за спиной месье Залмановиц услышал возобновившийся стук клавиш. Песню сирены. Доказательство того, что он сообщил нечто достойное названия «новости».

— Да, — подтвердил Гамаш.

— Это ваши друзья? Они оставались у вас?

Разумеется, прокурор знал ответы на все свои вопросы. Он задавал их ради присяжных и судьи. И репортеров.

— Ноп. Я с ними едва знаком. Они приехали с друзьями — Кэти и Патриком Эванс.

— Ах да. Эвансы. — Прокурор посмотрел в сторону скамьи защиты, потом опять на Гамаша. — Подрядчик и его

¹ Одна из традиций Хеллоуина состоит в том, что дети, одетые в костюмы монстров, ходят по домам и выпрашивают сладости.

жена архитектор. Они строят стеклянные дома, кажется. Тоже ваши друзья?

— Тоже знакомые, — твердым голосом поправил его Гамаш.

Ему не нравилось подобное передергивание.

— Конечно, — сказал Залмановиц. — А почему они оказались в деревне?

— Это была ежегодная встреча. Они дружат со школы. Учились в одной группе в Монреальском университете.

— Им всем теперь немного за тридцать?

— Oui.

— И как давно они приезжают в Три Сосны?

— Четыре года. Всегда в одну и ту же неделю в конце лета.

— Однако в этом году они приехали в начале ноября.

— Oui.

— Странное время для приезда. Листья опали, а снег для катания на лыжах еще не выпал. Погода довольно тоскливая, правда?

— Может быть, номера в гостинице стали дешевле, — услужливо подсказал Гамаш. — Там довольно уютно.

Когда сегодня рано утром он уезжал из Трех Сосен в Монреаль, Габри, хозяин гостиницы, подбежал к нему с пакетом оберточной бумаги и кружкой кофе в дорогу:

— Если вам придется говорить о гостинице, то скажите что-нибудь вроде «прекрасная». Или «прелестная».

Сказать так вовсе не означало солгать. Гостиница в помещении старой почтовой станции по ту сторону деревенского луга, с ее широкой верандой и высокими коньками на крыше, была прелестна. В особенности летом. Как и у всех других домов в деревне, у гостиницы был сад перед входом, где цвели старые многолетники: розы и лаванда, шпили наперстянки и душистые флоксы.

— Только не говорите «потрясающая», — посоветовал Габри. — Звучит агрессивно.

— А мы этого не хотим, — сказал Гамаш. — Вы же знаете, там слушается дело об убийстве.

— Знаю, — серьезно ответил Габри, передавая Гамашу кофе и круассаны.

И вот теперь Гамаш сидел в свидетельском кресле и слушал прокурора.

— Как эти одноклассники оказались в деревне в первый раз? — спросил месье Залмановиц. — Они что, заблудились?

— Нет. Леа Ру росла на глазах у доктора Ландерс. Мирна привыкла опекать ее. Леа и Матео несколько раз приезжали к Мирне, и деревня им понравилась. Они рассказали про Три Сосны друзьям и стали приезжать сюда на ежегодную встречу.

— Понятно. Значит, именно Леа Ру и ее муж затеяли все это. — Из уст прокурора это прозвучало крайне подозрительно. — А мадам Ландерс им помогла.

— *Доктор* Ландерс, и никто ничего не затевал. Совершенно обычная встреча друзей.

— Неужели? Вы называете то, что произошло, совершенно обычным?

— До прошлого ноября так все и было.

Прокурор кивнул с глубокомысленным видом, словно не вполне верил старшему суперинтенданту Гамашу.

«Это смешно», — подумала судья Корриво. Однако она видела, что на присяжных это производит впечатление.

И опять она задалась вопросом, зачем прокурор так поступает с собственным свидетелем. С главой Квебекской полиции, черт побери.

Атмосфера накалялась не только на улице, но и в зале суда. Судья Корриво посмотрела на старые кондиционеры в окнах. Они, конечно, не работали. Слишком шумные. Отвлекали бы.

Но жара тоже начинала отвлекать. А ведь еще и полдень не наступил.

— И когда же наконец все это показалось вам ненормальным, старший суперинтендант? — спросил Залмановиц.

Он снова сделал акцент на звании Гамаша, но теперь в тоне прокурора ощущался намек на некомпетентность.

— Это началось во время вечеринки на Хеллоуин в бистро, — сказал Гамаш, игнорируя провокацию. — Некоторые гости надели маски, хотя узнать их было нетрудно, особенно когда они начинали говорить. Лишь один был неузнаваем. Этот гость надел черное одеяние до самого пола и черную маску. Перчатки, сапоги. На голову натянул капюшон.

— Настоящий Дарт Вейдер, — заметил прокурор, и на галерее для зрителей раздался смешок.

— Мы тоже так думали поначалу. Но костюм был не из «Звёздных Войн».

— Тогда кого, по-вашему, изображал тот человек?

— Рейн-Мари... — Гамаш повернулся к присяжным. — Это моя жена.

Они кивнули.

— Рейн-Мари предположила, что это отец Моцарта из фильма «Амадей». Но у того была особая шляпа. А у этого — только капюшон. Мирна подумала, что он изображает священника-иезуита, однако креста на нем не было.

И вел он себя как-то необычно. Люди вокруг веселились, а он стоял столбом.

Вскоре люди начали заговаривать с ним. Спрашивали о его костюме. Попытались сообразить, кто он. Но это продолжалось недолго, и вскоре все начали сторониться его. Вокруг темной фигуры образовалось пустое пространство. Пришелец словно находился в собственном мире. Собственной вселенной. Где не было никакого Хеллоуина. Никаких празднующих. Никакого смеха. Никакой дружбы.

— А что подумали вы?

— Я подумал, что это Смерть, — ответил Арман Гамаш. В зале суда воцарилось молчание.

— И что вы сделали?

— Ничего.

— Вот как? Тут заявляется с визитом Смерть, а глава Квебекской полиции, в прошлом старший инспектор отдела по расследованию убийств, ничего не предпринимает?

— Это был человек в маскарадном костюме, — терпеливо произнес Гамаш.

— Возможно, так вы подумали в тот вечер, — подхватил прокурор. — Но когда вы поняли, что это и в самом деле смерть? Позвольте высказать предположение. Когда стояли над телом?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Нет. Фигура на вечеринке смущала, но плохое предчувствие у Гамаша действительно появилось только на следующее утро, когда он выглянул из окна спальни в промозглый ноябрьский день.

— На что ты смотришь, Арман? — поинтересовалась Рейн-Мари, подойдя к мужу.

Она тоже выглянула в окно и нахмурилась.

— Что он там делает? — спросила она вполголоса.

В то время как все разошлись по домам, чтобы лечь спать, человек в темной мантии этого не сделал. Никуда не ушел. Остался. И до сих пор там находился. Стоял на деревенском лугу в своей шерстяной мантии. И в капюшоне. Смотрел.

Из окна Гамашу не было видно, но он подозревал, что и маска осталась на своем месте.

— Не знаю, — ответил Арман.

Было субботнее утро, и он оделся как обычно. Брюки, рубашка и теплый осенний свитер. Наступил ноябрь, и погода не давала им забыть об этом.

День начался серым рассветом, как это часто случается в ноябре после ярких восходов и ярких осенних листьев октября.

Ноябрь — переходный месяц. Разновидность чистилища. Холодное влажное дыхание между умиранием и смертью. Между осенью и мертвой зимой.

Никто не любил ноябрь.

Гамаш надел резиновые сапоги и вышел наружу, оставив немецкую овчарку Анри и маленькое существо по имени

Грейси в полном недоумении: они не привыкли, чтобы их не брали на прогулку.

На улице было холоднее, чем он предполагал. Даже холоднее, чем предыдущим вечером.

Он еще не успел дойти до луга, как руки у него заочинили, и он пожалел, что не надел перчатки и шапку.

Гамаш подошел к темной фигуре и остановился прямо перед ней.

Маска оказалась на месте. Не было видно ничего, кроме глаз. Но даже и глаза были скрыты какой-то сеткой.

— Кто вы? — спросил Гамаш.

Голос его звучал спокойно, даже дружелюбно. Абсолютно нормальная ситуация.

Во враждебности нет никакой нужды. Для этого еще будет время, если возникнет необходимость.

Однако человек продолжал хранить молчание. В его позе не было скованности. Его окружала аура уверенности, даже авторитетности. Он не только чувствовал себя здесь на своем месте, но даже как бы владел им.

Впрочем, Гамаш подозревал, что это ощущение создает скорее мантия, чем молчание человека.

Его всегда поражало, насколько молчание действеннее слов. Например, если нужно сбить кого-то с толку. Но он не мог позволить себе роскошь молчания.

— Почему вы здесь? — спросил Гамаш. Сначала по-французски, потом по-английски.

Потом он ждал ответа. Десять секунд. Двадцать. Сорок пять.

В бистро Мирна и Габри смотрели сквозь свинцовое стекло окна.

Смотрели на двух человек, уставившихся друг на друга.

— Отлично, — сказал Габри. — Арман избавится от него.

— Кто это? — спросила Мирна. — Он вчера был у тебя на празднике.

— Помню, но я понятия не имею, кто он такой. И Оливье тоже не знает.

— Уже закончили? — спросил Антон, мойщик посуды и помощник официанта.

Он потянулся к тарелке Мирны, на которой остались одни крошки. Но его рука замерла на полпути. Как и двое других, он уставился в окно.

Мирна посмотрела на Антона. Он появился недавно, но быстро здесь освоился. Оливье нанял его мыть посуду и помогать официанту, однако Антон ясно дал понять, что надеется стать шеф-поваром.

— Шеф-повар может быть только один, — доверительно сообщил Антон Мирне как-то раз, покупая в ее магазине старинные кулинарные книги. — Но Оливье нравится делать вид, будто их целая армия.

Мирна рассмеялась. Это было похоже на Оливье. Ему всегда хотелось производить впечатление, даже на людей, которые слишком хорошо знали его.

— У вас есть фирменное блюдо? — спросила она, выбивая чек на своем старинном кассовом аппарате.

— Я люблю канадскую кухню.

Мирна помедлила, глядя на него. Ему лет тридцать пять, прикинула она. Конечно, с такими амбициями и в таком возрасте уже не годится быть помощником официанта. Судя по речи, Антон был неплохо образован, он поддерживал хорошую физическую форму — стройный, атлетического сложения. Темно-каштановые волосы, коротко подстриженные по бокам и подлиннее сверху, придавали ему мальчишеский вид.

Определенно он был красив. И стремился стать шеф-поваром.

Будь она лет на двадцать моложе...

Почему бы девушке не помечтать? И она мечтала.

— Канадская кухня? А что это такое?

— Вот именно, — ответил Антон с улыбкой. — Никто толком не знает. Я думаю, это все, что рождает земля Канады. И ее реки. Здесь так много всего. Я люблю добывать корм.